

Непреходящую глупость Пу Яочжи Гун Чэнь предпочитал наблюдать со стороны, сохраняя холодное отстранение. Его это попросту не касалось. А потому, даже когда омеги, с трудом скрывая презрительные ухмылки, выдавали себя перед Яочжи за бет и фальшиво набивались в друзья, Гун Чэнь и не думал срывать с них маски.

Однако стоило происходящему хоть как-то задеть его собственные интересы, расклад мгновенно менялся.

С подачи этих так называемых «бет» у Пу Яочжи действительно почти не оставалось времени досаждать Гун Чэню своим присутствием. Поначалу это казалось благом, но у любого плюса имелась обратная сторона.

Бескорыстно доверяя новоиспечённым «приятелям», наивный бета с готовностью жертвовал ради них всем подряд. Включая собственное место в классе.

Один из омег неожиданно пожаловался на головокружение и умолял уступить ему парту у окна хотя бы на урок — мол, свежий ветерок быстро приведёт его в чувство. Яочжи, даже не заподозрив подвоха, тут же согласился. Омега рассыпался в фальшивых благодарностях, лебезя о том, как ему повезло с таким замечательным другом.

В итоге на втором уроке сбоку от Гун Чэня вместо трусливого, недотёпистого, но хотя бы тишину хранящего беты уселся омега, источавший тошнотворно-сладкие феромоны с ароматом спелого грейпфрута.

Сорок минут урока превратились в настоящую пытку. Этот въедливый, удушливый запах раздражал Гун Чэня до скрежета зубного. Раньше он считал Пу Яочжи несносным глупцом, от которого одно беспокойство, но, познав всё в сравнении, неожиданно осознал: этот бета на его фоне выглядит едва ли не подарком судьбы. Да, не блещет умом, зато хотя бы не выводит из себя.

Как только прозвенел звонок, омега, понутив голову, скользнул на своё прежнее место, а Яочжи вернулся за свою парту.

Едва тот опустился на стул, Гун Чэнь, просидевший весь урок с мрачной миной, ледяным тоном произнёс:

— Пу Яочжи, если тебе настолько не нравится сидеть со мной, я могу попросить преподавателя пересадить тебя за отдельную парту. Прямо у учительского стола.

Каким бы недогадливым ни был Яочжи, уловить глухое раздражение в голосе соседа по парте не составило труда. В груди всё сжалось, а по спине прокатилась волна липкого пота.

— Прости... — виновато пролепетал он, испуганно втянув голову в плечи. — Я... я больше так

не буду...

Опустив взгляд, он тихо добавил в своё оправдание:

— Си Сюэ просто плохо себя чувствовал, у него голова кружилась, вот он и попросил...

Гун Чэнь издал желчный, едва слышный смешок:

— Пу Яочжи, ты правда веришь, что они хотят с тобой дружить?

Яочжи хлопнул ресницами, опешив. На его лице отразилось искреннее замешательство. Если они не хотят дружить... то зачем тогда так настойчиво искали его общества? В его голове это совершенно не укладывалось.

— Но... если не ради дружбы, то зачем тогда всё это? — с запинкой спросил он.

Уголок губ Гун Чэня исказился в ядовитой усмешке:

— Потому что ты дурак.

Слова застряли у Яочжи в горле. Он и сам знал, что умом не блещет, но услышать подобную чёрствость в лоб было больно. Губы сами собой поджались от обиды, а в уголках глаз закипели предательские слёзы. Не найдя, что ответить — ведь Гун Чэнь, в отличие от него, был безупречен во всём, — он лишь тихо отвернулся.

— Понятно... — еле слышно пробормотал он и умолк, уткнувшись взглядом в стол.

Заметив блеснувшие на ресницах капли, Гун Чэнь почувствовал, как к горлу подкатывает глухое раздражение, смешанное с неловкостью. Обычно чужие слёзы не вызывали у него ни единой эмоции, но вид готового вот-вот разрыдаться Яочжи почему-то отзывался непривычной тяжестью.

Досада нарастала. Гун Чэнь окинул взглядом класс, ища парту той самой омеги. Пусто. Он перевёл взор на места остальной компании, ежедневно уверявшей Яочжи в своей «бетовской» преданности. Снова никого. Всё мгновенно встало на свои места.

Резко поднявшись из-за стола, Гун Чэнь бросил короткое:

— За мной.

Яочжи растерянно моргнул, но послушно поплёлся следом.

Гун Чэнь привёл его к выходу на крышу. За полуоткрытой дверью шумной стайкой сгрудились те самые омеги, о чём-то оживлённо шептавшиеся между собой. Заметив знакомые лица, Яочжи уже потянулся было шагнуть вперёд, чтобы поздороваться, но Гун Чэнь железной хваткой вцепился ему в воротник.

Яочжи недоуменно оглянулся:

— Что...

— Молчи и слушай, — отрезал Гун Чэнь, не дав ему договорить.

Затаив дыхание, Яочжи замер за створкой двери, превратившись в слух.

Перебрав обычные для омег скучные темы, омеги наконец перешли к главному:

— Си Сюэ, ну как? Ты же только что сидел рядом с тем дурачком! Каково это?

«Дурачком?..» — Яочжи обомлел. Человек, совсем недавно расплывавшийся перед ним в улыбке и ласково звавший его по имени, за глаза именовал его... дурачком.

Си Сюэ досадно вздохнул:

— Гун Чэнь даже не взглянул в мою сторону...

— Да кто бы сомневался! — тут же подхватил другой. — Гун Чэнь — единственный наследник клана Гун, да вокруг него лучшие омеги вьются! Куда уж нам с нашей внешностью надеяться привлечь его внимание.

Яочжи окончательно застыл.

«Омеги?.. Никакие они не беты?..»

Один из омег прыснул:

— А ведь этот Пу Яочжи и впрямь на редкость глуп! Мылянули ему, что беты, а он и уши развесил. Ни капли сомнений! В жизни таких наивных недотёп не встречал.

— И не говори! — Омеги зашлись заливистым хохотом.

Слушая этот ядовитый глум, Гун Чэнь скользнул взглядом по Яочжи и уже хотел было бросить

сухое: «Ну, слышал?..», но осёкся на полуслове.

В противоположность звонкому смеху за дверью, лицо Яочжи стремительно теряло краски. Сказать что-то в ответ, выскочить и упрекнуть их в предательстве ему банально не хватало духу. Вся его робкая, застенчивая натура могла лишь сжаться от подступившей боли. В глазах закипела горячая влага. Он из последних сил сдерживал слёзы — показать свою слабость казалось последней каплей позора, — но влага неумолимо застилала взор.

Чтобы Гун Чэнь ничего не заметил, он судорожно отвернулся к стене, и крупные капли одна за другой потекли по щекам.

Гун Чэнь снова ощутил нарастающую головную боль. Достав из кармана белоснежный платок, он сунул его парню и грубо, без тени сочувствия, скомандовал:

— Не рви сырость.

Яочжи молча принял платок. Ткань хранила тонкий, удивительно приятный аромат, которому он не мог подобрать названия. Утирая слёзы, он впитывал этот успокаивающий запах, и в груди постепенно перестало так болезненно сжимать.

Тем временем омеги, вдоволь наболтавшись и сообразив, что перерыв подходит к концу, повернулись к выходу, намереваясь спуститься в класс.

И замерли как вкопанные.

Прямо перед ними стояли Гун Чэнь и Пу Яочжи.

Улыбки мгновенно сошли с их лиц, сменившись мертвенной бледностью. Поглощённый своим горем Яочжи даже не поднял головы, но тяжело-холодный, полный скрытой угрозы взгляд Гун Чэня заставил омег ощутить, как по спинам пробежал ледяной озноб.

<http://bllate.org/book/20413/2108696>